

Александр Степанович Грин

Отшельник Виноградного пика

Александр Грин

Отшельник Виноградного пика

«Public Domain»

1916

Грин А. С.

Отшельник Виноградного пика / А. С. Грин — «Public Domain»,
1916

Герой находит мудреца, поведавшего ему Смысл Жизни. © FantLab.ru

Содержание

I	5
II	7

Александр Грин

Отшельник Виноградного пика

I

Я превратился из полного, цветущего человека в растерянное, нервное и желчное существо, которому, чтобы оставить по себе коренную память, следовало бы немедленно и прочно повеситься.

Виной этому был, конечно, я сам. Желая найти некий философический уклон, по которому в пуховиках абсолютной истины мог бы мягко с просветленной душой, скатиться в лоно могилы, я окружил себя десяткам идейных друзей – проклятием моей жизни. По ярости взаимной непримиримости убеждений друзья мои напоминали свору собак, составленную из разных пород – от дога до фокстерьера.

Чистота и искренность их взглядов не подлежала сомнению. Однако выдерживая в течение десяти лет каждый шаг своей жизни под анализом и контролем приверженцев разнообразнейших философских мировоззрений, я пришел к такому удрученно-жалкому состоянию что без слез не могу вспомнить об этом. Конечным результатом таких дружеских истязаний явилось то, что каждый день с воплем в истерике вопрошал себя: – «Какой смысл твоей жизни? Какой смысл всей вообще жизни? Есть рок или его никогда не было? Зачем жизнь, когда каждого ждет совершеннейшее, немилосердное уничтожение?»

Посвистывая в эту старую дудку, я залез в такие религиозно-метафизические дебри, что извлечь меня оттуда мог бы лишь разве Геркулес, да и то плотно поевший.

– Прекрасно! – сказал я, обдумывая свое некрасивое положение. – Мне нужно пожить с месяц-другой бродячей жизнью.

Покинув друзей, я купил очаровательного, кроткого как заяц, осла, нагрузил его самым необходимым и в продолжение трех недель странствовал в поисках душевного равновесия. Увы, я не находил его. Звездное небо вызывало у меня мысли о загадке пространства; рабочее в поле – вечность социальных контрастов; птицы, деревья, цветы – скорбь о равнодушной природе, которая, когда меня не станет, «будет играть»... В попутных кабачках я, пользуясь случаем, напивался. Осел, которого звали Машей, был, к чести его рода, умнее меня; скоро раскусив мой характер, огорчительное животное стало злоупотреблять моим пристрастием к кабачкам и, завидя вывеску, украшенную плющом, останавливалось само, как пораженное громом. Ни красноречие, ни удары не действовали на него в таких случаях. Волей-неволей я забирался в прохладу уютного кабачка, а Маша, счастливая бездельем, слонялась поблизости.

Раз, проклиная судьбу и осла, выпил я у подножия Виноградного Пика немножко более восьми бутылок холодненького барабонского, и мне захотелось плакаться. Подозвав трактирщика, я горячо и пространно стал объяснять ему, что, будучи человеком, заблудился в поисках истины. Я спросил, – нет ли у него на примете человека праведной и мудрой жизни, к которому я мог бы обратиться за поучением. Я прибавил, что книги мне надоели и что огромное количество страстно убежденных друзей не позволяет мне оставаться на одном месте.

– Видите ли, – сказал трактирщик, из вежливости сплевывая мимо моего сапога, – на ваше счастье такой человек есть в наших местах; зовут его просто Сноп, потому что волосы и борода его совсем рыжие, и живет он полторы версты выше, отшельником; суший медведь. Страшен, упаси господи! Когда он ко мне приходит, первые его слова: «Я – твой закон и природа! – а затем, погрозит этак пальцем да как рявкнет: – Я тебя насквозь вижу, мошенник!» – так у меня руки и опускаются. Однако же профессор из Зурбагана, собирая бабочек, столк-

нулся с ним у меня, – заспорили они, черт их знает о чем... – так профессор в конце концов сказал: «Извините!»

Я вздрогнул от радости. Быть может, полудикая эта личность и есть искомый мудрец? Выходило, как будто – да: живет на горе, переспорил профессора, отшельник не осиян ли он свыше? И я, подробно расспросив о дороге, решительно понудил Машу взбираться по зеленым склонам Виноградного Пика.

II

Опасная была эта горная крутая тропинка, уверяю вас! Не будь полупьян, я не отважился бы, пожалуй, продолжать путь. Местами приходилось ползти по узкому неровному карнизу, висящему над пропастью, и я в таких случаях слезал с Маши, пуская ее вперед. С большими трудностями, донельзя усталый и трезвый подобрался я, наконец, к отвесной скале, загородившей дорогу. Ни справа, ни слева пути не было. Тем времена вечерняя прохлада и наползающая темнота нагнали на меня страх, так как ночевать в этом месте, рискуя свалиться в пропасть, я не хотел. Трактирщик ничего не сказал мне об этой скале; он, видимо, не бывал здесь он сказал только, что, следуя по тропинке, я попаду к хижине Снопа.

– Эй, есть ли жив человек?! – закричал я, задрал голову.

Ужасное горное эхо оглушило меня. Вдруг над скалой показалась косматая рыжая голова, рывкнув густым басом:

– Кто тут бродит, говори!

– Не вы ли господин Сноп? – сказал я, невольно сочувствуя трактирщику при виде мохнатых бровей и огненных глаз кирпично-багровой головы.

– Сноп – это я.

– Как же я попаду к вам?

– Зачем?

– Зачем?!.. Гм... Душа болит, господин Сноп.

– А именно?

– Растерянность... Уныние... страх жизни...

– О господи! – вздохнул Сноп.

– Потом: «Куда мы идем?»

– О господи! – вздохнул Сноп.

– Есть ли что за гробом и какое оно?

– О господи! – вздохнул Сноп.

– Зачем жить, если рок?

– О господи! – вздохнул Сноп.

– Зачем жить, если смерть?

– Довольно! – сказал Сноп. – Бедный умалишенный! Полезай сюда, я брошу тебе веревочную лестницу.

Голова скрылась, показалась снова, и к ногам моим упал конец лестницы.

– Осла я втяну потом, – сказал Сноп. – Иди сюда, уродливый сын природы, я тебя насквозь вижу!

Поднявшись, я очутился на лесистом плоскогорье, лицом к лицу со Снопом. Это был мужчина внушительно-высокого роста, босой, массивный, в голубой шерстяной блузе и таких же штанах. Я поклонился.

– Любишь ли ты пироги с мясом? – спросил он.

– Ода.

– А кофе?

– Весьма.

– А холодненькое барабонское?

– Отчасти.

– Врешь! Очень любишь. Получишь ты и то, и другое, и третье, но сперва сядь, выслушай меня, затем поступай, как знаешь.

Мы сели.

– Во-первых, ты заметил, конечно, что у меня веселый характер. Это оттого, что я рассуждаю с точки зрения гордости. Гордость не позволяет мне ломиться в раз навсегда запертые для меня двери, ломиться только потому, что они заперты. Ты скажешь, что думать так значит расписаться в бессилии гордого человеческого ума. Друг мой! Мне тридцать пять лет; тебе тоже не меньше; поняли мы что-нибудь до сих пор в тайнах мироздания? Ничего, Будем ли мы настолько наглы, уверены, что именно за оставшиеся нам пятнадцать – двадцать лет уясним все? Ты, не краснея, скажешь, что попасть на луну не можешь, если в таких пустяках ты не чувствуешь себя униженным, то можешь, также не краснея, сказать, что всякие бесконечности тебе не по силам. «Когда-нибудь» – «Когда-нибудь»... – это другое дело; будем говорить о себе: ведь живем мы?!

Ты умрешь. Это неизбежно. Есть ли смысл бояться неизбежного?

Наоборот, – в виду неизбежности естественного для всех конца, следует жить густо и смело, как свойственно человеческой природе. Время – жизнь. Ешь много и вкусно, спи крепко, люби горячо и нежно, в дружбе и любви иди до конца; на удар отвечай ударом, на привет – приветом, и все, что не оскорбляет и не обижает других, разрешай себе полной рукой.

Поверь мне, – только в том и есть смысл жизни, что окружает тебя. Бесчисленное множество комбинаций представлено тебе: явлений, красок, предметов, людей, работ; найди свою комбинацию.

Пустота ли за гробом, жизнь ли – ты и в том и в другом случае ничего не теряешь. В первом потому, что терять некому, во втором – ясно, почему. Но представь, что ты бессмертен, – не ломал бы ты себе голову над этой загадкой.

Так или иначе – ты живешь. Так или иначе – умрешь. Так или иначе – ты не знаешь и не узнаешь, что ждет тебя за последним вздохом. Гордо повернись спиной к этой штуке. Зачем унижаться, – бессмысленно, бесплодно; будь горд; смело живи и бестрепетно умирай.

Он встал, скрылся и, пока я переваривал новую для меня точку зрения гордости, вернулся с дымящимся пирогом и – о, боже! – с дюжиной холодненького барабонского. Затем он развел костер, мы сидели под кедром, на краю пропасти, ели, пили и говорили о медвежьих охотах. Взошла луна. Голубые призраки снеговых вершин дымились мутным сиянием. Мне было весело. Осел, втащенный Снопом на плоскогорье, дремал стоя, и уши его смешно дергались, когда громкое восклицание касалось их сонного мира.

Сноп принес из хижины еще дюжину барабонского и гитару.

Низким грудным голосом запел он старую итальянскую песенку:

Море чуть зыблется. Здесь на просторе,
Как рыбаки, – вы все сбросите горе;
И да покинут вас скорби земные!
Санта Лючия! Санта Лючия!!!